

РЕЦЕНЗИИ

Т.С. Самарина

Теология в зеркале когнитивного религиоведения

Татьяна Сергеевна Самарина – доктор философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: t_s_samarina@bk.ru

ORCID: 0000-0002-9888-0872

Статья представляет собой размышления о достижениях и методологии когнитивного религиоведения, основанные на книге *White C. An Introduction to the Cognitive Science of Religion* («Введение в когнитивное религиоведение», 2021 г.). Сначала кратко рассматривается история когнитивного религиоведения, выделяются успехи его классиков – С. Гатри, Х. Уайтхауса, П. Буайе, Д. Барретта и др., анализируются базовые понятия. Основные исследовательские вопросы когнитивистов структурируются по пяти темам: природа мироздания, посмертная жизнь, сверхъестественные агенты, мораль и ритуал. Показывается, что природа мироздания анализируется когнитивистами через три концепции: неразборчивую телеологию, антропоморфизм и психологический эссенциализм, устанавливается, что, согласно когнитивистам, в основе представлений о посмертном бытии лежат народный дуализм, психологический эссенциализм, эмоциональная привязанность, устойчивые ментальные модели и автономные социальные рассуждения. В ходе рассмотрения методологических ходов и концептуальных построений высказываются сомнения относительно пресуппозиций, избираемых когнитивистами в качестве аксиоматических оснований для исследований, ставятся вопросы о корректности полевых исследований, на которых базируются их основные выводы, отмечается малое внимание, уделяемое ими культурным факторам формирования религиозных репрезентаций, показывается, что с точки зрения истории религиоведения достижения когнитивистов являются современной формой эволюционизма Э. Тайлора.

Ключевые слова: религиоведение, когнитивные исследования, психология религии, антропология религии, теория агентности, мораль, ритуал, С. Гатри, Х. Уайтхаус, П. Буайе

Ссылка для цитирования: Самарина Т.С. Теология в зеркале когнитивного религиоведения // Философия религии: аналит. исслед. / Philosophy of Religion: Analytic Researches. 2022. Т. 6. № 1. С. 147–161.

Theology in the Mirror of Cognitive Religious Studies

Tatiana S. Samarina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Goncharnaya Str. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: t_s_samarina@bk.ru

ORCID: 0000-0002-9888-0872

The article is a reflection on the achievements and methodology of the cognitive science of religion and is based on the book by C. White, *An Introduction to the Cognitive Science of Religion*, 2021. The author briefly considers the history of cognitive religious studies, highlighting the achievements of its classics, S. Guthrie, H. Whitehouse, P. Boyer, J. Barrette, and others, and analyzes its basic concepts: the building blocks approach, a dual-process model of consciousness, the theory of evolutionary adaptation, and the hypothesis of minimal counterintuitiveness. The main research interests of cognitive science are centered on five topics: the nature of the universe, life after death, supernatural agents, morality, and ritual. The analysis of the central topic of cognitive research, the theory of supernatural agents, shows the ambiguity of the heuristic boundaries of this theory. Considering the methodological moves and conceptual constructions, the author questions the presuppositions chosen by cognitive scientists as axiomatic grounds for research as well as the appropriateness of field research on which their main conclusions are based, and demonstrates that, from the point of view of the history of religious studies, the achievements of cognitive scientists are but a modern form of evolutionism proposed by E. Tylor.

Keywords: religious studies, cognitive religious studies, psychology of religion, anthropology of religion, superhuman agency, morality, ritual, S. Guthrie, H. Whitehouse, P. Boyer

Citation: Samarina T.S. "Theology in the Mirror of Cognitive Religious Studies", *Philosophy of Religion: Analytic Researches*, 2022, Vol. 6, No. 1, pp. 147–161.

Когнитивное религиоведение возникло сравнительно недавно, в начале 1990-х гг., как субдисциплина в русле широкого поля когнитивных наук. Благодаря работам таких его классиков, как Паскаль Буайе, Харви Уайтхаус и других¹, уже к середине того десятилетия эта сфера стала одной из самых перспективных форм развития современных исследований религии. С 1992 г. в нее вошли эволюционные исследования², что даже привело к изменению названия центральной ассоциации исследователей с «Международной ассоциации когнитивных исследований религии» (International Association for the Cognitive Science of Religion) на «Международную ассоциацию когнитивных и эволюционных исследований религии» (International Association for the Cognitive and Evolutionary Sciences of Religion). За эти 30 лет когнитивное религиоведение пережило стремительный и бурный рост, только за период с 2001 по 2011 г. количество публикаций по теме за рубежом возросло на 314%, достигнув отметки

¹ Прежде всего назовем работы: [Lawson, McCauley 1993; Guthrie 1995; Boyer 1994; Whitehouse 1995].

² Первой работой, положившей начало исследованиям такого рода, была книга: [Barkow, Cosmides, Tooby 1992].

в 3000 статей в год, для публикации такого количества статей возникли новые журналы, а для их написания – объединения исследователей. Параллельно увеличивалась и финансовая поддержка, например, на трехлетний проект «Объяснение религии» (EXREL) Еврокомиссия выделила 2 миллиона евро, а на гарвардскую программу «Эволюция религии и морали» различные фонды дали 7 миллионов долларов. Эти успехи не могут не впечатлять. Значительную роль в популяризации когнитивных исследований сыграли и «новые атеисты». Так, и Р. Докинз, и Д. Деннет не раз использовали достижения и наработки когнитивного религиоведения для критики религии. Сравнительно недавно интерес к когнитивному религиоведению начинает развиваться и у нас, публикуются статьи³, в основном осмысляющие западный опыт, переводятся основополагающие для дисциплины книги⁴.

1. Так и совсем недавно, в 2021 г., успешным религиоведом-когнитивистом Клэр Уайт⁵ была написана книга «Введение в когнитивные исследования религии»⁶, а ее задачей было в доступной форме изложить основные концепции данной дисциплины, рассказать о ее достижениях и показать слабые места, т.е. представить сбалансированный взгляд. Таким образом, книга интересна сразу по нескольким причинам. Во-первых, как обзорный и самый современный труд она не стремится защитить и обосновать отдельную авторскую концепцию, но представляет панораму всех достижений дисциплины за время ее существования. Во-вторых, из-за заявленного сбалансированного подхода автор не закрывает глаза на слабые и неразработанные моменты. В-третьих, такой обзор станет для нас отправным пунктом для того, чтобы порассуждать о месте когнитивных исследований в общей истории религиоведения, поскольку зачастую увлеченность новизной методологии мешает объективно посмотреть на ее достоинства и недостатки. В книге Уайт 11 глав, некоторые – вводные, поясняющие процесс становления когнитивных исследований религии и основы их методологии, другие посвящены изучению конкретных тем. Поскольку общим методологическим базисом когнитивных исследований является подход строительных блоков (Уайт удачно проводит аналогию с кубиками лего), то основная часть книги призвана показать, как из кубиков нашего познания складываются религиозные представления о мире, загробном бытии, сверхъестественных агентах (неологизм, употребляемый когнитивистами в отношении всех отличных и превосходящих в чем-то человека существ), о морали и ритуале. Далее, для плавности изложения мы будем останавливаться

³ См., например: [Шахнович 2013; Сергиенко 2011].

⁴ На русский язык были переведены основополагающие труды П. Буайе: [Буайе 2016; Буайе 2019].

⁵ Клэр Уайт (Claire White) – доцент департамента религиоведения в Калифорнийском государственном университете (Нортридж) и директор лаборатории когнитивных исследований этого же университета, руководила проектами по проблемам реинкарнации, сверхъестественных агентов, погребальным обрядам, уходу из жизни. Результаты некоторых из них нашли отражение в рецензируемой книге.

⁶ White C. An Introduction to the Cognitive Science of Religion: Connecting Evolution, Brain, Cognition, and Culture. N.Y.: Routledge, 2021.

не на конкретных главах, а проследим за мыслью Уайт и передадим основные ее идеи в той же последовательности.

Уайт подчеркивает, что когнитивные исследования возникли не на пустом месте, а стали реакцией на нерешенные проблемы многих дисциплин и методологических стратегий, развившихся во второй половине XX в. В таком контексте у них было три оппонента: бихевиоризм, культурные исследования и феноменология религии. Проблема бихевиоризма состояла в том, что он предлагал теорию пустого организма, полностью программируемого внешней средой и не имеющего никакого встроенного ментального содержания. Несмотря на немалые достижения, эта теория натолкнулась на серьезнейшую критику, начатую еще Ноамом Хомским, наследниками которого и считают себя когнитивисты. Вторым оппонентом были культурные исследования, представленные постмодернизмом, культурным релятивизмом и культурным детерминизмом. Постмодернизм нивелировал возможность существования каких-то единых для человека и встроенных в его внутреннюю жизнь структур и, как следствие, игнорировал возможность существования универсальных принципов религиозной жизни, ведь, согласно постмодернизму, всё является следствием процесса социального конструирования. Релятивистский подход предполагает понимание культуры только в ее собственных терминах, никакой общей науки о культуре с внешней системой референции быть не может. Отсюда следовал и детерминизм, предполагающий, что поведение человека в значительной степени определяется культурой извне. Феноменология религии (Уайт в книге пишет о понимании религии как *sui generis*) в отличие от всех предыдущих программ, напротив, утверждала, что религия внутри самой себя имеет некое несводимое к человеческой культуре и познанию ядро, что делало ее объектом особого рода. Когнитивные исследования бросают вызов сразу трем направлениям одновременно: они утверждают, что человек не пустой организм, в основе его познания лежит сложная система базовых элементов (подход строительных блоков), комбинации которых и дают многообразие форм культуры и человеческой деятельности, эти элементы до определенной степени подвергаются влиянию культуры, но возникают вследствие процесса биологической эволюции человека как вида, а религия в таком контексте становится равным объектом в ряду других, и все ее основополагающие принципы также разложимы на базовые элементы человеческого восприятия (р. 1–8).

Когнитивные исследования религии изначально заявили себя как широкое междисциплинарное поле, в значительной степени опирающееся на биологические и нейропсихологические разработки. Такая привязка к точным наукам сразу вывела когнитивистику вперед в представлении общественности, поскольку наделяла ее авторитетом «настоящей науки», лишая признаков умозрительного спекулирования. Уайт описывает специфику междисциплинарности когнитивных исследований следующим образом: «...нейробиологи способны отслеживать и картографировать то, что происходит в человеческом мозге во время религиозного переживания (биологическое объяснение), психологи могут исследовать человеческие мотивы, обрабатывать и интерпретировать информацию, предшествующую переживанию (психологическое объяснение) и следующую за ним (поведенческое объяснение). Другие социальные иссле-

дователи могут сосредоточить свое внимание на объяснении иных факторов группового уровня, которые предрасполагают и закрепляют переживания... таким образом, они не пытаются свести объяснение религии исключительно к какому-то одному уровню. Иными словами, когнитивные исследования выступают за объяснительный плюрализм» (р. 13). Основываясь на таком широком базисе, новое направление поставило перед собой амбициозную задачу: «не просто дать лучшую интерпретацию религии, но объяснить ее» (р. 15).

Система исследований религии в когнитивистике строится на ряде базовых положений, которые почти не оспариваются, что на деле приводит к немалым проблемам. Первое из них – это подход «снизу-вверх», когда ученые не имеют некоего общего представления о том, что такое религия, не создают компаративной схемы, а исходят из базового набора действий и идей, которые существуют у человека и составляют домен *религия*, хотя при желании эти же идеи в чуть измененной форме мы найдем и в иных доменах: культуре, искусстве, спорте и т.п. В таком контексте религия представляет собой набор элементов, которые в свою очередь легко разложить на базовые составные части, те самые кубики лего, из которых строится процесс познания в целом. Второе положение предполагает наличие двухпроцессной модели верований: интуитивных и рефлексивных. Когнитивисты убеждены, что с нашим поведением напрямую связана система интуитивных верований, которые возникают как изначальная реакция на некое явление. Интуитивные верования сформировались у человека в процессе эволюции и проявляются в ситуации мгновенного реагирования, именно поэтому большинство экспериментов и исследований в когнитивном религиоведении проводятся с целью определения их мгновенной реакции на некий стимул (вопрос из теста, картинка на экране и т.п.), это мгновенное реагирование интерпретируется как форма выражения интуитивных верований. На деле когнитивистов интересуют только эти верования. Второй уровень – рефлексивные верования, к которым относятся все религиозные теологические и философские идейные системы – они оцениваются ими как второстепенные, созданные искусственно в процессе развития религии, а следовательно, не отвечающие идее строительных блоков и подходу «снизу-вверх». Когнитивисты выделяют из них так называемые «теологически некорректные идеи» (р. 51), которые, по их мнению, составляют суть настоящей веры.

Еще одной составляющей метода когнитивистики является теория эволюционной адаптации. Согласно ей, те или иные явления человеческой жизни есть продукты, чаще побочные⁷, адаптивной реакции наших предков на изменения окружающей среды или условия их жизни. Классическим примером такого рода стал известный гиперактивный механизм распознавания агентности (HADD⁸), разработанный Джастином Барреттом. Согласно идее Барретта, на начальных стадиях эволюции примитивный человек должен был внимательно

⁷ Заметим, что в когнитивных исследованиях существует две линии оценки роли религии в процессе эволюции: побочный продукт и полезный адаптационный механизм (например, роль ритуалов в укреплении групповой солидарности). На практике эти два подхода используются в равной степени и могут сочетаться.

⁸ Hyperactive agency detection device.

контролировать окружающую его обстановку, поскольку в любой момент к нему мог подкрасться хищник, следствием чего стал познавательный механизм, склонный одушевлять каждый случайный шум, шорох или движение, воспринимая его как потенциального противника. С процессом эволюции этот механизм стал рудиментарным, но именно он ныне отвечает за то, что человек верит в существование сверхъестественных агентов (например, привидений), зачастую склоняясь наделять реальным бытием совокупность случайных событий (шорохи, сквозняки, зрительные aberrации и т.п.)⁹.

С представлением об агентах связана и гипотеза минимальной контринтуитивности. Объясняя теорию сверхъестественных агентов, Паскаль Буайе предположил, что «...успешно передающиеся сверхъестественные агенты, как правило, имеют две общие черты. Во-первых, они похожи на обычных агентов, то есть на людей. Иными словами, в них есть что-то родственное, и на первый взгляд они кажутся обычными людьми. Боги, призраки, ведьмы и т.д. удивительно похожи на нас. Во-вторых, они обладают особыми свойствами, такими как изменение физического ландшафта без прикосновения к нему, способность насыщать болезни с помощью разума, хождение сквозь стены, это и делает их сверхъестественными» (р. 197). То есть, чтобы некий агент стал сверхъестественным, в нем должна быть черта, нарушающая его тождество с нами, а это и есть минимальная контринтуитивность (призрак – человек, но проходящий сквозь стены). Согласно этой идее, именно минимальный уровень нарушения наших представлений о мире делает ту или иную идею объектом интуитивной веры, чем больше нарушений – тем менее вероятно, что в это будут верить¹⁰.

Перечисленные выше положения находят свое подтверждение в сложной системе научных исследований, разработанных за годы в когнитивистике. Список основных методов, приводимый Уайт, внушительен (см. р. 77–87). Для успешного исследования в команде ученых обязательно должны быть эволюционный психолог, ученый нейрокогнитивист и когнитивный психолог. Остальные исследователи набираются в зависимости от условий проекта, чаще всего в их ряды входят: антрополог, философ, социолог, религиовед и историк.

2. Далее остановимся на основных достижениях когнитивистов. В книге Уайт затрагивается пять тем: природа мироздания, посмертная жизнь, сверхъестественные агенты, мораль и ритуал. Рассматривая вопрос о природе мироздания, Уайт сводит его к проблеме противостояния эволюционизма и креационизма. В ее трактовке когнитивные исследования стремятся понять, почему современный человек, несмотря на развитие науки и образования, предпочитает

⁹ Заметим, модель Барретта неплохо работает на материале палеолитической религиозности, но в современном окружении человек сталкивается с гораздо меньшими опасностями, следовательно, такой механизм может привести к ошибкам в восприятии реальности, и для нормального функционирования он должен пройти процедуру самокоррекции, чтобы исключить ложные срабатывания, поэтому вследствие критики Барретт изменил название механизма на «механизм распознавания агентности» (ADD), убрав термин «гиперактивный».

¹⁰ В более развитых формах когнитивные исследования сделали предположение, что и максимально контринтуитивные представления (нирвана, Троица) также закрепляются в сознании человека именно в силу своей чрезвычайной контринтуитивности.

верить в креационную теорию, отвергая эволюционную¹¹. Отметим, что Уайт в первую очередь основывается на взглядах современных американцев. Для ответа на этот вопрос когнитивисты прежде всего обращаются к исследованию детских взглядов на творение и приходят к выводу, что детям гораздо проще принять мысль о том, что мир существует с какой-то целью и что у него есть Создатель, эту цель заложивший. Детские идеи маркируются исследователями как интуитивные верования, следовательно, связанные напрямую с механизмами познания. Двумя дополнительными факторами, укрепляющими эти верования в сознании общества, служат групповая идентификация (всегда проще разделять мнения близких людей) и сложность понимания эволюционной теории. Теперь, чтобы ответить на вопрос, почему эти представления возникают у детей и бытуют у взрослых, необходимо разложить их на составные части, так как, по мнению когнитивистов, вера в творение строится на неразборчивой телеологии, антропоморфизме и психологическом эссенциализме. Идея неразборчивой телеологии была выдвинута Деборой Келемен и сводится к рассуждению о том, что у нашего мозга есть настроенность отыскивать причину во всем, во многих случаях эта причина действительно существует, но, когда, как она утверждает, это рассуждение «распространяется на явления, изначально не наделенные целью, телеологическое мышление становится “беспорядочным”» (р. 112). Благодаря антропологу Стюарту Гатри антропоморфизм стал стержневой концепцией современных когнитивных исследований, его идея совсем проста: человек склонен одушевлять вокруг себя то, что на самом деле не одушевлено. Одной из разновидностей этой идеи и стала упоминавшаяся выше гипотеза о гиперактивном механизме распознавания агентности. Психологический эссенциализм был придуман психологом Сюзан Гельман для выражения распространенного убеждения в том, что любую вещь определяет ее сущность и различные вещи отделены друг от друга сущностно (у тигра сущность тигра, а у зебры – зебры). Это убеждение, согласно когнитивистам, мешает принять идею эволюции видов: представление о различиях сущностей примата и человека становится немислимым. Благодаря достаточно большому количеству экспериментов, направленных на выявление интуитивных представлений, ученым удалось доказать, что эти три элемента характерны не только для детского восприятия, но и для взрослого. Таким образом, по их мнению, можно объяснить существование и популярность креационных убеждений.

Все приведенные выше рассуждения достаточно любопытны, но при знакомстве с ними не покидает мысль, что в ходе исследований идет одновременно и упрощение религиозной проблематики, и серьезная подмена понятий. Очевидно, что спор эволюционизма и креационизма – сложнейшая научная проблема, имеющая массу переходных форм (тонкая настройка, например), которые могут разделять и верующие, и неверующие люди. Общий настрой текста Уайт сводится к тому, что именно недостаток знаний и образования способствует укреплению интуитивных креационных верований. Но ведь это

¹¹ Она приводит данные из журнала Science за 2006, согласно которым 39% американцев отвергают эволюцию.

утверждение на фоне многодесятилетней полемики выглядят по меньшей мере наивно. Кроме того, все рассуждения Уайт строятся вокруг образования детей в религиозно ориентированной культуре. Видимо, автор просто не сталкивался с ситуацией в СССР, где внушить с детского сада представление об отсутствии Творца мира не составляло труда. Не ясно, почему религиозному мировоззрению по умолчанию приписывается представление о психологическом эссенциализме, ведь из истории известно, что большинство религиозных традиций говорило о единстве всего сущего, а не о разделении сущностей. Неудачен аргумент от эссенциализма и в объяснении неприятия теории эволюции, поскольку в большинстве своем ее не принимают не потому, что верят в неизменяемую сущность, а потому, что в своей обыденной жизни не наблюдают процесса очеловечивания обезьяны.

3. Вторая тема, на которой останавливается Уайт, – посмертное бытие. Здесь также исследователями были проведены серии экспериментов, целью которых стала фиксация интуитивной реакции на вопросы о характеристиках умершего человека. Например, детям предлагалось такое задание: Роджер жив, он хочет пить, злится на свою жену, и вдруг он умирает, как вам кажется, он все еще хочет пить и все еще злится на жену? Положительные ответы в таком случае являлись подтверждением того, что интуитивным убеждением человека является представление о себе как цельной личности, которая сохраняет все характеристики, меняя «формальную прописку». По словам Уайт, «...общим для всех популярных представлений о загробной жизни является убеждение в том, что нечто, делающее вас тем, кто вы есть, независимо от того, психические ли это состояния, мышление, воспоминание о своем прошлом, ваша уникальная личность или что-то еще, продолжается после физической смерти» (р. 154). Одним из главных условий такого представления служит тот факт, что все люди изначально – дуалисты, разделяющие тело и дух. Пол Блум (Paul Bloom) выразил эту мысль так: «Мы не чувствуем, что являемся своими телами; мы чувствуем, что занимаем их» (р. 154). Если возвращаться к подходу строительных блоков, то базовыми когнитивными механизмами, определяющими представление о загробном бытии, будут: народный дуализм (разделение души и тела), психологический эссенциализм, эмоциональная привязанность (желание верить в то, что близкие не исчезли), устойчивые ментальные модели и автономные социальные рассуждения. Согласно когнитивистам, человеку трудно признать, что его тело может быть мертвым, следовательно, он создает воображаемого двойника, который будет существовать после физической смерти. Целый ряд теоретиков считает, что страх смерти настолько велик, что человек даже не способен всерьез думать о ней, и любая система, в той или иной степени избавляющая от этого страха, принимается сознанием автоматически.

Как и в предыдущем случае, эти рассуждения не выглядят убедительными. Сомнения вызывает уже сама идея подобного рода экспериментов. С какими бы современными детьми они ни проводились (а среди фокус-групп были дети с Мадагаскара, США, Испании и т.п.), все они живут в современной телевизионной культуре, проецирующей образы загробного бытия, поэтому все, что могут доказать такие эксперименты, это как раз фактор жесткого культурного

детерминизма. Кроме того, вызывает немалое удивление столь настоятельно развиваемое Уайт убеждение в том, что человек верит в неизменность личности после смерти, сохранение памяти, эмоционально-психических особенностей и т.п. Да, наверное, средний американец верит именно в это, но если вести речь о реальных верующих (а ведь дисциплина называется когнитивное религиоведение), то ни буддисты, ни индуисты верить в это не будут, следовательно, для них такой механизм объяснения не работает. Не менее странным является и убеждение в нежелании думать о смерти. Опять же, это характерно для современного человека, но множество аскетических традиций в различных религиях строились как раз вокруг такой практики. Кстати, сама Уайт в конце главы высказывает сомнение в том, что представления о загробном бытии дают человеку уверенность в бессмертии и спокойствие, ведь идея вечного осуждения в аду вряд ли может успокоить кого бы то ни было (р. 167).

4. Центральная тема когнитивных исследований – теория сверхъестественных агентов – выглядит достаточно противоречиво, о чем пишут и сами когнитивисты, ведь она вбирает в себя представления о богах, призраках, гоблинах, предках, феях, демонах и др. Здесь вновь исследования строятся на изучении механизмов детского восприятия. В ходе их проведения ученые пришли к двум вариантам объяснения: предрасположенность и антропоморфизм. Предрасположенность предполагает, что у ребенка изначально заложено представление о всезнающем существе, поэтому он склонен приписывать всезнание всем, кто его окружает – маме, папе, Богу. А когда появляются основания для опровержения этой гипотезы, то неопровержимой с ходу она остается только в отношении Бога. Правда, эта теория в последние годы стала критиковаться благодаря исследованию четырехлетних детей в Испании, США и Германии, поскольку дети приписывали неведение как маме, так и Богу. Теория антропоморфизации, открытая еще Ж. Пиаже, показывает, что до пяти лет ребенок склонен антропоморфизировать окружающий его мир. При определенных условиях, если эта тенденция подтверждается культурным научением, она позже переносится на сверхъестественных агентов. Современные исследования, проведенные американцами, показали, что та же тенденция сохраняется и во взрослом возрасте, это привело к выводу, что «...антропоморфизм – это эвристика, которая минимизирует когнитивную нагрузку» (р. 190). Разумеется, подобные убеждения далеко не всегда можно считать теологически корректными, если сопоставлять их со сложными религиозными системами (как известно, приписывание антропоморфных черт Богу запрещено всеми авраамическими религиями, да и Нирвану с Брахманом антропоморфными не назовешь), но рефлексивный уровень особо не занимает когнитивистов, ибо, по их мнению, он вторичен. Антропоморфизация в свою очередь ведет к обнаружению агентов в окружающем мире. По мнению когнитивистов, «тенденция представлять сверхъестественных агентов в окружающей среде является непреднамеренным следствием более общей тенденции представлять обычных агентов в этой же среде» (р. 192). Именно здесь вступает в силу уже описанный выше гиперактивный механизм распознавания агентности, связанный с представлением о контринтуитивности. Если бы теория агентов была направлена только на Бога авраамической традиции, то она вызывала бы не так много вопросов, но поскольку

эта категория чрезвычайно широкая, то в среде самих когнитивистов по ее поводу возникли серьезные дебаты. Прежде всего неясной была сочтена идея контринтуитивности, ведь она напрямую связана с культурными нормами, принятыми в обществе, поскольку, чтобы быть признанно контринтуитивным, представление должно как-то нарушать их. Но и кроме этого, учеными были выдвинуты три проблемы, метафорически названные проблемами «Тарзана», «Микки Мауса» и «Зевса». Проблема Тарзана ставит вопрос о том, почему воспитанный среди зверей человек, обладающий таким же когнитивным механизмом, что и мы, не верит в Бога или иных агентов. Проблема Микки Мауса возникает, поскольку люди совсем не склонны объявлять всех сверхъестественных существ богами. А проблема Зевса заключается в том, что во многих существ, которые ранее почитались как боги, ныне никто не верит. Поэтому, несмотря на значимость этих разработок, среди когнитивистов нет единого мнения относительно эвристических границ теории агентности.

Как и в предыдущих случаях, к этой теме также не может не возникать вопросов, и главный из них связан с методологией эмпирических исследований, на которой строится теория о сверхъестественных агентах. Дело в том, что антропоморфизация как важная часть детской психики была открыта очень давно, но до последнего времени никто не думал, что через эту характеристику развития человека можно объяснить всю религиозность. Когнитивисты доказывают, что эти же представления сохраняются у человека на интуитивном уровне и во взрослом возрасте. Чтобы обосновать такое положение, они предлагают следующие тесты: на уроке детям рассказывается история о мальчике, который тонул в реке и молился Богу. В момент его молитвы Бог отвечал на другую молитву, но спас мальчика, следовал вопрос: «Как это было возможно?». Ученики отвечали, что Бог сначала ответил на одну молитву, прежде чем заняться тонущим мальчиком, так бы поступил и обычный человек. Из этого ответа делается вывод об интуитивной антропоморфизации. И он верен, но только к религиозным представлениям этот вывод никакого отношения не имеет, польку он теологически некорректен. Экспериментаторами были созданы искусственные условия, с уже антропоморфизированным Богом, на которые был получен ожидаемый ответ. С экспериментами со взрослыми еще сложнее. Майкл Барлев (Michael Barlev) разработал тест, в котором испытуемым нужно было быстро, пока идет таймер, одобрять или отвергать различные утверждения о Боге, среди этих утверждений были, по мнению разработчиков, как теологически корректные, так и некорректные. Вот пример теологически «корректного» утверждения: «Бог имеет истинные убеждения» – здесь и заведомая антропоморфизация, и на самом деле некорректность с теологической точки зрения, что не смущает экспериментаторов.

5. Еще одним важным аспектом в изучении религии в когнитивном религиоведении является мораль. Пожалуй, этот раздел в книге стоит признать самым неудачным, поскольку все рассуждения настолько далеко отстоят от настоящих религиозных проблем, что назвать их религиоведческими невозможно. Уайт начинает с того, что все всегда думали, что мораль напрямую связана с религией, но современные исследования доказали, что «сочувствие, сотрудничество и справедливость не являются чисто человеческими чертами, равно

как и не являются результатом религиозной социализации» (р. 226). Следовательно, ничего сугубо религиозного в морали нет, скорее наоборот, она связана с человеческой эволюцией и поэтому органично вписалась в религию. Суть морали, согласно когнитивистам, составляют два аспекта: сочувствие, или забота о других людях, и справедливость, т.е. идея о том, что каждый должен получить то, что заслуживает. Эти составляющие связаны с групповой этикой, которая в свою очередь отвечает за биологическое выживание вида. Отсюда вытекают все остальные представления о морали, прежде всего то, что справедливость – цемент для внутригрупповых отношений и совместного поведения, поэтому и Бог в религиях – всегда справедливый судья, следовательно, вся религиозная этика сводится, по их мнению, к золотому правилу нравственности. Вообще, согласно когнитивистам, когда речь заходит о религиозной этике, то она лучше всего выражается простой метафорой глобального видеонаблюдения, как выразился один из современных авторов, «люди, за которыми наблюдают, – хорошие люди» (р. 247). Бог в такой картине воспринимается как глаз в небесах, постоянно следящий за жизнью человека и не дающий ему вести себя плохо по отношению к другим, в секулярном обществе эту же роль выполняют камеры слежения, полиция и суд.

Такие чрезвычайно примитивные представления о религиозной жизни в когнитивном религиоведении на самом деле не сводятся только к вопросу о морали, просто на нем они лучше всего видны. Эти исследования не принимают в расчет те сложнейшие этические и аскетические традиции, которые составляют ядро настоящей религии, не принимают потому, что просто ничего о них не знают. На наш же взгляд, религия когнитивного религиоведения – это религия среднего американца или европейца, даже не желающего углубиться в то, что раньше составляло основу его цивилизации.

6. Еще одной большой темой в когнитивных исследованиях является ритуал. Уходя от прямого ответа на вопрос, что представляет собой ритуал, когнитивисты сразу приступают к ответу на вопрос, как он функционирует и передается. Здесь, как и раньше, теологические взгляды не играют никакой роли, а, следовательно, ритуал воспринимается как набор неких лишенных смысла действий, направленных на какой-то сиюминутный эффект. По мнению когнитивистов, объяснения людьми смысла выполнения ритуальных действий «часто расплывчаты, цикличны, вызывают вопросы, полны непонятностей и весьма своеобразны», следовательно, «отсутствует четкое обоснование мотивации ритуального поведения» (р. 258). Ритуал воспринимается как зафиксированная и часто не подлежащая изменению последовательность действий, мало того, нарушение этой последовательности может восприниматься верующими как причина неэффективности ритуала. Поэтому неудивительно, что в когнитивистике для работы с ритуалом были выработаны две теории, напрямую связанные с его формой: гипотеза ритуальной формы и теория модусов религиозности. Гипотеза ритуальной формы предполагает, что для совершения ритуала необходимо наличие трех составляющих: актора, действия и пациента, – то есть должен быть совершитель, процесс и тот, для кого действие совершается. Теория модусов религиозности, предложенная Харви Уайтхаусом, сложнее и предполагает закрепление ритуала в определенной форме памяти. Согласно

Уайтхаусу, «ритуальные действия были закодированы в неявной процедурной памяти, хотя доктрина и ее толкования хранятся в явных системах памяти... Аналогичным образом частое повторение ритуальных процедур – от преклонения колен и крестного знамения до коллективного пения и марширования, позволяет им отложиться в процедурной памяти» (р. 271). Таким образом, в теории модусов важна частотность повторения ритуала, тогда как в гипотезе о форме все определяет именно форма. Такой подход к ритуалу отчасти, как нам кажется, оправдан и объясняет обыденные ритуалы (типа рукопожатия) или магические и суеверные действия, но мало что дает для понимания литургических практик развитых религий. При этом странно слышать от Уайт утверждение, что «людям не хватает обоснования того, почему они выполняют определенные действия в рамках ритуала» (р. 258), – ведь существует же такая дисциплина, как литургика, там как раз и обосновываются рациональные элементы и смыслы ритуальных действий.

Дальнейшие рассуждения о ритуале сводятся к выявлению его значения для жизни человека. Здесь всё совсем просто и предсказуемо. По мысли когнитивистов, ритуалы «выполняют важнейшие психологические функции, такие как снижение тревоги перед лицом неопределенности, эмоциональная регуляция и улучшение психического благополучия, и дают людям ощущение контроля над окружающей средой» (р. 285). Ритуальное поведение помогает элиминировать нежелательные мысли, укрепить групповую идентичность через общее воспоминание о коллективном действе, установить эмоциональные связи с другими его участниками и т.п. Все эти идеи хорошо известны и были описаны в социальной психологии задолго до когнитивных исследований. Но непроясненным остается вопрос: чем религиозный ритуал принципиально отличается от ритуала нерелигиозного и почему, несмотря на такое большое распространение разного рода секулярных ритуалов (спорт, театр, казино), выполняющих те же психологические функции, религиозные не исчезли, мало того, люди воспринимают их отличными от секулярных? Ответа на этот вопрос в работе Уайт нет.

Завершая разбор основных идей книги, скажем несколько слов о связи когнитивных исследований и атеизма. Уайт критикует «новый атеизм» за то, что тот неразборчиво использует данные когнитивных исследований, делая из них пугало для верующих. Отчасти такой ситуации способствуют и сами когнитивисты, нарочно давая своим трудам броские названия, типа «Случаен ли Бог?», «Объясняя религию». Но на деле когнитивные исследования пытаются всячески уйти от онтологического редукционизма, предлагая лишь модель объяснения жизни верующих и не претендуя на большее. Более того, когнитивисты утверждают, что религия врождена человеку: «Этот тезис о “естественности религии” подразумевает, что народная религия лежит в основе человеческой деятельности, и, как правило, человек в процессе своего развития, вероятно, всегда будет иметь религиозные концепции и заниматься религиозной деятельностью. Напротив, атеизм возникает не так легко, поскольку он противоречит нашим врожденным предубеждениям» (р. 311). Это очень интересная идея, хотя речь идет о том самом врожденном наборе строительных блоков, который образует как религиозную часть познания, так и иные его сферы.

7. Перейдем к итогам.

В когнитивных исследованиях религии есть проблемы, и некоторые из них признают сами когнитивисты. Например, в заключении книги Уайт замечает, что главной их проблемой является малое внимание к культурным факторам формирования религиозных репрезентаций. Любая из когнитивных теорий, предполагающих понимание религии, не должна игнорировать тот факт, что восприятие человека в значительной мере определяется и формируется культурным окружением, поэтому считать, что из исследования современного или древнего человека можно с легкостью вывести чистые формы познания, лишённые культурного влияния, по меньшей мере наивно.

Первое, что приходит на ум не вовлеченному в когнитивные исследования читателю, изречение Екклесиаста: *«Бывает нечто, о чем говорят: “смотри, вот это новое”; но это было уже в веках, бывших прежде нас»* (Еккл. 1:10). И действительно, практически все достижения современного когнитивного религиоведения, с которыми мы знакомимся в книге К. Уайт, удивительным образом повторяют основные идеи классической антропологии, а именно Эдуарда Тайлора. Ведь это он одним из первых ввел эволюцию как движущую силу развития религии, он предложил гипотезу о дикаре-философе, который одушевлял окружающий его мир и наделял антропоморфными чертами неведомые звуки леса, он разработал идею примитивного мышления как мышления по аналогии: если у дома есть создатель, то должен он быть и у всеобъемлющего дома – Вселенной; и он же предложил идею сравнения культур, согласно которой первобытные культуры древности то же, что и современные бесписьменные. Лишь последняя идея трансформировалась в методологии когнитивистов: они переносят черты детского мышления на все религиозное мышление. Все же остальные идеи остались почти в неизменном виде, обретая большую эмпирическую фундированность, иное звучание, но по существу не сильно изменившись. Удивительно, что, несмотря на сложную междисциплинарную методологию, многочисленные исследования, наука так и не смогла сделать значительного рывка по сравнению с идеями кабинетного ученого конца XIX в.

Второй очевидной проблемой, которая следует из описания Уайт, является значительный методологический перекосяк, лежащий в основе когнитивных исследований. Из-за использования двухпроцессной модели весь фокус исследования смещается лишь на интуитивные верования, элементы которых можно обнаружить у любого человека, далее следует перенос этих верований на религиозные системы, но системы при этом редуцируются, ибо из религии заведомо выбрасывается всё теологическое (в широком смысле слова) содержание. Это содержание объявляется вторичным продуктом рефлексии, не связанным напрямую с интуитивными процессами. Если же теология и исследуется, как это, например, сделал Хью Николсон [Nicholson 2016], то в итоге получается, что буддийские споры хинаяны и махаяны и христианский Троичный догмат появились вследствие политической игры теологов и являются навязанными сверху изначальной интуитивной вере, а следовательно, могут и не изучаться. Это, кстати, очень модный среди современных исследователей ход: при помощи идей Фуко и Маркса объявить всю рациональную часть религии продуктом

злокозненных теологов, которые заморочили голову простым верующим. Понятно, что исторически все эти рассуждения не выдерживают никакой критики. Такая акцентуация когнитивных исследований только на интуитивном уровне веры выводит их из сферы религиоведения, поскольку изучать базовые механизмы восприятия, суеверия, примитивные ритуальные действия – это лишь малая часть сложного комплекса изучения религии, а религиоведческая программа, если она претендует на это звание, должна уметь объяснять религию в ее цельности.

Кроме того, подход к религии с учетом базового примитивного уровня религиозных представлений, о котором пишут когнитивисты, был предложен как раз в критикуемой ими феноменологии религии еще в начале XX в. Ф. Хайлер разработал теорию, согласно которой религия состоит из нескольких уровней, и базовым в ней является уровень примитивный, он вбирает в себя систему иррациональных суеверий и действий, поскольку, согласно Хайлеру, «мы носим в себе органы примитивных людей» [Heiler 1961: 42]. Такое системное рассмотрение религии предполагает, что примитивная религиозность играет значительную роль и в высших проявлениях религиозной жизни, но при этом религия к этому примитивному уровню не сводится. В то же время когнитивные исследователи, преуспев в изучении именно этой части религиозного комплекса, практически не интересуются высшими проявлениями религиозной жизни. Когнитивисты пишут о том, что другие религиоведы критикуют их за редукционизм, а на самом деле под редукционизмом здесь имеется в виду вовсе не отрицание ими реальной основы религии, а сведение представления о ней на примитивный уровень.

Список литературы

- Буайе 2019 – *Буайе П.* Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 436 с.
- Буайе 2016 – *Буайе П.* Объясняя религию: Природа религиозного мышления. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 496 с.
- Сергиенко 2011 – *Сергиенко Р.А.* «Проблема Микки Мауса» и «Проблема Зевса» в современном когнитивном религиоведении // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 4. С. 236–241.
- Шахнович 2013 – *Шахнович М.М.* Когнитивная наука и исследования религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 3 (31). 2013. С. 32–62.
- Barkow, Cosmides, Tooby 1992 – *Barkow J.H., Cosmides L., Tooby J.* The Adapted Mind: Evolutionary Psychology and the Generation of Culture. Oxford: Oxford University Press, 1992. 688 p.
- Boyer 1994 – *Boyer P.* The Naturalness of Religious Ideas: A Cognitive Theory of Religion. Berkeley: University of California Press, 1994. 342 p.
- Guthrie 1995 – *Guthrie S.E.* Faces in the Clouds: A New Theory of Religion. Oxford: Oxford University Press, 1995. 336 p.
- Heiler 1961 – *Heiler F.* Erscheinungsformen und Wesen der Religion. Stuttgart: Kohlhammer, 1961. 605 S.
- Lawson, McCauley 1993 – *Lawson T., McCauley R.N.* Rethinking Religion: Connecting Cognition and Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 208 p.

Nicholson 2016 – *Nicholson H.* The spirit of contradiction in Christianity and Buddhism. Oxford: Oxford University Press, 2016. 344 p.

White 2021 – *White C.* An Introduction to the Cognitive Science of Religion: Connecting Evolution, Brain, Cognition, and Culture. N.Y.: Routledge, 2021. 368 p.

Whitehouse 1995 – *Whitehouse H.* Inside the Cult: Religious Innovation and Transmission in Papua New Guinea. Oxford: Clarendon Press, 1995. 256 p.

References

Barkow, J.H., Cosmides, L., Tooby, J. *The Adapted Mind: Evolutionary Psychology and the Generation of Culture*, Oxford University Press, 1992. 688 p.

Boyer, P. *Anatomiya chelovecheskih soobshchestv. Kak soznanie opredelyaet nashe bytie* [Anatomy of Human Communities: How Consciousness Determines Our Being], trans. by P. Dejnichenko, Moscow: Alpina non-fiction, 2019. 436 p. (In Russian)

Boyer, P. *Obyasnyaya religiyu: Priroda religioznogo myshleniya* [Explaining Religion. The Nature of Religious Thinking], Moscow: Alpina non-fiction, 2016. 496 p. (In Russian)

Boyer, P. *The Naturalness of Religious Ideas: A Cognitive Theory of Religion*, Berkeley: University of California Press, 1994. 342 p.

Guthrie, S.E. *Faces in the Clouds: A New Theory of Religion*, Oxford: Oxford University Press, 1995. 336 p.

Heiler, F. *Erscheinungsformen und Wesen der Religion*, Stuttgart: Kohlhammer, 1961. 605 S.

Lawson, T., McCauley, R.N. *Rethinking Religion: Connecting Cognition and Culture*, Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 208 p.

Nicholson, H. *The spirit of contradiction in Christianity and Buddhism*, Oxford: Oxford University Press, 2016. 344 p.

Sergienko, R.A. “Problema Mikki Mause” i “Problema Zeusa” v sovremennom kognitivnom religiovedenii [“The Mickey Mouse problem” and “The Zeus Problem” in Modern Cognitive Religious Studies], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2011, No. 4, pp. 236–241. (In Russian)

Shakhnovich, M.M. Kognitivnaya nauka i issledovaniya religii [Cognitive Science and Studies of Religion], *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide], 2013, No. 3 (31), pp. 32–62. (In Russian)

White, C. *An Introduction to the Cognitive Science of Religion: Connecting Evolution, Brain, Cognition, and Culture*, N.Y.: Routledge, 2021. 368 p.

Whitehouse, H. *Inside the Cult: Religious Innovation and Transmission in Papua New Guinea*, Oxford: Clarendon Press, 1995. 256 p.